

поскольку ему было известно, что и меня занимала фигура Селля. Посвящение доставило мне большую радость: подобные свидетельства дружбы не так часто встречаются в западном ученом мире.

Когда бы я ни посещал Ленинград — а это происходило довольно часто — я непременно встречался с П. Н. Берковым то в Архиве Академии наук, то в Публичной библиотеке, где он чувствовал себя как дома, превосходно ориентируясь в ее фондах, то в его домашнем кругу на даче в лесах Карельского перешейка. Беседы, которые мы с ним вели, немало помогли мне как редактору «Материалов и исследований по истории Восточной Европы».

Впрочем, не стоит забывать, что изучение немецко-русских связей XVIII в. составляло лишь одну из граней научной деятельности П. Н. Беркова. С какой тщательностью и любовью занимался Павел Наумович историей русско-французских литературных отношений!⁵ Однако связи России с Германией всегда находились в центре его интересов. Наша серия «Материалов и исследований» обязана ему очень и очень многим. В ее работах продолжает жить этот скромный человек и большой советский ученый.

(Перевод Р. Ю. Данилевского)

⁵ См.: Berkov P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jh. Berlin, 1968.